

Чайльд Гарольд с микрофоном

Конечно, были на последнем конкурсе «Юрмала-89» победители. Им — призы. Им — спасибо. Мы их тоже любим. Но ведь не все определяется только первыми-вторыми местами. Возможно еще, наверное, и такое деление: кто запомнился! Андрей Билль — запомнился. Это безусловно. Об этом говорят и вопросы в читательских письмах и на встречах с «Собеседником»: расскажите о Билле. Когда Билля покажут по телевизору! Последний вопрос адресуем Гостелерадио, а на первый отвечаем.

года пела в «Метрополитен-опера», а до этого она с успехом выступала в московской частной опере. Шутка ли сказать — сам Шалапин (!) писал ее портрет!.. А у Андрея — только маленькое фото с грампластинки и сохранилось: в тридцатые годы семья прекратила эту небезопасную связь. Сестра прадеда преподавала вокал в училище Ипполитова-Иванова, а одна из бабушек стала художницей, училась у Фаворского. Прадеды: один — начальник государственных серебряных приисков в Зырянковске, другой — купец, держал санный путь в Китае... Зато все последующие поколения семьи — эскулапы. Отец — врач-реаниматор, но по складу характера романтик, бард, настоящий «шестидесятник».

— У нас в семье песни отца знали все. Помню, мы частенько собирались вместе и просто пели — папа, мама, я, братишка Павел — или о чем-то спорили, или музыку слушали — это ведь тоже редкость в наши дни, такие вот семейные посиделки, — вспоминает Андрей. — Вообще у нас в доме музыка звучала с утра до ночи. Я вырос на джазе. Папа играл в оркестре на контрабасе, и в пять лет я вместе с ним впервые вышел на сцену. Тогда же, на два года раньше срока, меня отдали в музыкалку. У нас в Омске с этим делом было попроще — но вскоре родители решили перевести меня в спортивную школу. Потом пришло увлечение па-

русским спортом. Странно: Сибирь и вдруг парус. Но Музученко, к примеру, олимпийский чемпион, тоже из Омска и по странному стечению обстоятельств занимался в том же клубе и у того же тренера В. Тюшева, что и Билль, правда, в другое время. Биллю в спорте сопутствовал успех: член сборной РСФСР, неоднократный призер соревнований по классу двойки. Иначе, как утверждает Андрей, просто и быть не могло — так самолюбиво он отдавался любимому увлечению. После десятого решил поступать в институт физкультуры, но... Но путь ему туда оказался закрыт: зрение минус четыре недопустимо по установленным кем-то нормативам для занятий таким «особо опасным видом спорта», каким является парусный... Так что просто заниматься спортом — пожалуйте, и на мастера сдать тоже, а поступить в вуз по профилю — нет. Такой парадокс. «Конечно, было обидно и неприятно, — вспоминает этот этап своей жизни Билль. — Я знал, что есть такое правило, но рассчитывал, что бывают и исключения, думал, что везучий. Особенно после того, как в семьдесят седьмом в Кронштадте на молодежных играх чуть было не утонул во время шторма». Конечно же он романтик, самый настоящий, по нынешним временам настоящий дефицит, подумалось мне, когда он предавался восторженным воспоминаниям

еще и о трех своих экспедициях за Полярный круг. Решил на сто восемьдесят повернуть свою судьбу — поступил на исторический факультет Омского университета, избрал своей специальностью этнографию. Три года всерьез занимался наукой, ездил в экспедиции, даже в журнале «Советская этнография» напечатал одну работу, но... после третьего курса бросил вуз и ушел в армию. Почему?

— Не люблю себя насиловать! — заявил так, словно хотел дать понять, что именно это и есть его жизненная позиция. — ...А вообще стало скучно и неинтересно. Почувствовал какой-то предел, нет, не возможностей, а терпения, веры... Первоисточники лимитировали: под самые что ни на есть интересные находки, свежие, из экспедиций, надо было подводить «теоретическую базу», а это не всегда было возможно, уместно, зато всегда требовалось.

Армия — это были счастливые времена! Кроме шуток! В Новосибирске, где я служил, меня сразу же определили в ансамбль песни и пляски войск МВД. За два года мы дали 900 концертов! И ребята вокруг отличные, и условия нам создали идеальные! Мы пробовали свои силы во всех почти жанрах. Кстати, то направление, которое я сейчас представлял на конкурсе, тоже было в армии опробовано. Представьте, даже композицией пытался заниматься! А через полгода службы меня назначили командиром эстрадно-

го отделения. Между прочим, именно в армии я обучился и музыкальной грамоте, ведь подготовительный да первый класс школы — это ж не образование, а я все-таки подготовился в Гнесинку.

В свой московский жизненный этап Билль вступил довольно банально: срезался на приемных экзаменах в училище и устроился дворником.

Не он первый, не он последний пустился покорять Москву, которая, как известно, «слезам не верит»...

Год побыл вольнослушателем, а на следующий стал студентом. — Сначала вокал у меня шел не совсем легко, — вспоминает Андрей, — и в этом мне очень здорово помог замечательный наш преподаватель Владимир Христофорович Хачатуров, он даже свое свободное время тратил на занятия со мной. Вообще солист группы и лидер-вокалист очень разные в психологическом плане профессии, начиная от различий в приемах удержания зрительского интереса и кончая пластикой. В Москве мне удалось достаточно много поработать и в шоу-группе, и в квартете, и в рок-ансамбле, и у Толкуновой в оперной постановке «Русские женщины»; исполнял я и шуточные песни, и клоунские, и детские — все перепробовал.

Вечером, когда нарядная курортная публика заполнила зал Дзинтари, а телеболельщики Юрмалского конкурса прилипли к экранам телевизоров, мы все узнали, что Билль не стал призером конкурса, а только дипломантом, одним из двенадцати... Что ж, и это тоже победа. Очевидно, направление, которое он представлял на конкурсе, тяготеющее одновременно и к опереточной эстетике, и к бардовской, и к психологической драме, не было воспринято и оценено по заслугам теми, кто пустился на поиски новых звезд эстрады. Каждая из исполненных Биллем песен стала мини-спектаклем, со своим нервом, со своим словом, с недостающей нашей песенной эстраде глубиной, наконец!

В прошлом году Андрей Билль был приглашен на роль Ученика в рок-опере Лоры Квинт «Джордано». Рядом с триумфом Валерия Леонтьева (Джордано) и его скромный дебют не остался незамеченным. Сейчас он работает уже над главной ролью в новом мюзикле того же автора — «Карлик Нос» по одноименной сказке В. Гауфа. Премьера состоится во Дворце молодежи. Ставит спектакль В. Дружинин, постановщик «Джордано».

— Я стараюсь петь для интеллигенции — она обделена эстрадой. Кто есть? Только Камбурава, но она ближе к бардовскому направлению, а вообще эстрада интеллигенцию не балует. Поэтому, наверное, я уделяю серьезное внимание слову, всегда думаю, о чем пою.

Разумеется, его репертуар в традиционном понимании нельзя считать шлягерным: под эти песни не хочется, как говорится, плясать гопака. Однако, что же есть на самом деле эстрада, — вопрос спорный. Мне кажется, это то, что волнует сегодня, сейчас, отражает дух и вкусы времени. И здесь прокрустовы методы неуместны: это, мол, — да, а то — не совсем эстрада. Смог же в прошлом году Александр Малинин со своей «Корридой» заставить всех замереть (к сожалению, больше он уже эту вещь так не поет), а в нынешнем гражданский пафос Сосо Павлиашвили, несмотря ни на что, нашел отклик не только у зрителей, но и у судей. У Андрея Билля это не получилось. Возможно, члены жюри не настроены на восприятие его мини-театра экспрессивной песни... Или это никому не нужно? Или просто не произошло открытия?.. А может, оно произошло раньше? Андрей Билль продолжает задавать вопросы.

Татьяна Данилова,
спец. корр. «Собеседника».